

славянские сказки в прямой зависимости от литературных обработок животного эпоса на Западе» (стр. 110) — остается совершенно необоснованным, так как автор рассматривает поздние записи сказок вне всякой связи их с литературными русскими обработками того же сюжета. Не выделив основного ядра сказки, Колмачевский производит сопоставления случайно выхваченных деталей, поэтому и параллели к ним находятся то в «византийской басне», то в грузинском эпосе, то в западных рассказах. Между тем, ни один из этих источников не объясняет главной характерной черты русских вариантов — появления лисы в роли исповедницы.

В. Бобров (назв. соч.) предполагает, не имея на это никаких данных, кроме приведенного выше изречения Пчелы, что устная сказка о петухе и лисице действительно существовала «во времена летописца Нестора», но без мотива исповедания петуха, так как, по его словам, «русские звериные сказания вообще чужды всякой религиозности» (стр. 74). Поэтому эпизод об исповедании петуха есть «искажение», результат позднего книжного влияния, как и «сатирический элемент» (там же). «Создался ли этот эпизод на самостоятельной почве, или заимствован, сказать трудно; очень может быть, что западные литературные обработки имели влияние и на нашу сказку. Там этот эпизод довольно распространен».

При обзоре отдельных вариантов сказки Бобров недоуменно отмечает то «какой-то церковно-славянский язык», то притчу о мытаре и фарисее, тогда как, по его словам, «в наших звериных сказках не встречается никаких притч» (стр. 75), то «натянutosть, искусственность варианта», выражающуюся в том, что петух все-таки спускается на землю; странными ему кажутся слова петуха: «что он книги горазд читать и что у него голос хорош». Не подозревая, очевидно, что все, вызвавшие его недоумение, места целиком повторяют литературную повесть о кура и лисице, Бобров так формулирует свой окончательный вывод: «По искусственности, натянutosти, сатирическому элементу и по мотиву об исповедании петуха лисой эта сказка более подходит к западным версиям, чем к русским звериным сказкам, из которых ни одна не дошла до такой степени искажения первоначальной чистоты» (стр. 76).

В этом выводе правильно одно: действительно сказка о петухе и лисе-исповеднице совсем непохожа на другие животные сказки, хотя общность имен действующих лиц несомненно ассоциировала в сознании исполнителей этот сюжет с другими приключениями лисы; кроме механического слияния его с ними в некоторых вариантах, и общая характеристика одуроченной лисы, несомненно, примыкает к привычному сказочному облику ее. Но при-